

“Отечество” в представлениях украинской казацкой старшины конца XVII – начала XVIII веков

Татьяна Таурова-Яковлева

Вопрос об идеалах казацкой элиты “пост-хмельницкой” эпохи неразрывно связан с поисками приемлемых форм государственности или автономии, которые мучительно шли в Украине в тот период. Сразу следует оговориться, что речь идет именно о той части старшины, для которой идеалом служила собственная государственность, а не тихое существование в полном согласии с политикой московского царя.

Именно в этом смысле, под влиянием статьи Франка Сысына¹, мы рассмотрим взгляды не “верных” царю старшин — Мартина Пушкаря, Ивана Брюховецкого или Василия Кочубея², а их противников, чаще именуемых в российской-советской историографии “изменниками” или “мазепинцами”.

Как убедительно показано в статье Ф. Сысына, обращение “отчизна” не в контексте Речи Посполитой, а собственно Украины появляется после восстания Богдана Хмельницкого. В 70–80-е годы XVII в. термин “отчизна” становится широко распространенным среди старшин. Его используют не только “городовые” старшины, но и запорожцы, и те, и другие в схожем понимании, т. е. по отношению к Украине, а не к Кошу. Например, знаменитый кошевой атаман Иван Сирко в письме от 26 ноября 1667 г. говорил об “*Ouczyznie naszey orłakaney*”³. Про “отчизну матку нашу” писал 24 ноября 1708

---

¹ *Sysyn Frank E. Fatherland in Early Eighteenth-Century Ukrainian Political Culture // Mazepa and His Time. History, Culture, Society. — Alessandria, 2004. — С. 39–53.*

² Термин “верный” мы употребляем с изрядной долей сарказма, т. к. “верными” царю они оставались только когда им это было выгодно, т. е. — до поры, до времени. Как известно, М. Пушкарь вступил в бой под Полтавой против воли царя, И. Брюховецкий присоединился к антимосковскому восстанию, а В. Кочубей активно поддерживал антимосковское восстание Петра Петрика.

³ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. — Ф. 971: Собр. Дубровського. — Авт. 152. — № 81.

г. в своем письме к Ивану Мазепе и другой кошевой атаман Запорожской Сичи Кость Гордиенко. При этом он выражал обеспокоенность планами Москвы “дабы оную во область и завладение себе взяти умышляет и одобравши в городах украинских своих людей осадити желает, а нашим людем малороссийским незносниє и нестерпиміє здирства и знищєнья починивши и зрабовавши в Московщину загнати на вечное тяжкое неволничое мордерство тщи-тсья”⁴. То есть термин “отчизна” в представлении Гордиенко объединял такие понятия, как “украинские города” и “люди малороссийские”.

Надо сказать, что такое использование терминов “малороссийский” и “украинский” как синонимов (первый появляется примерно с конца 50-х годов XVII в.) было явлением широко распространенным. Например, Юрий Хмельницкий 13 марта 1660 г. в своем письме к киевскому митрополиту писал про “...Украину и другие малороссийские города.”⁵ Да и сам И. Мазепа в разговоре с дьяком Б. Михайловым 28 марта 1701 г. употреблял как синонимы понятия “Малороссийский край” и “Украина”⁶. И только когда речь шла о Правобережье, Мазепа использовал исключительно термин “сегобочная Украина”⁷.

То, что старшина не вполне разобралась с терминологией, по сути, не столь важно. Гораздо важнее то, что понятие “отчизна” в этот период ни в коем случае не ассоциировалось с “Московским государством” или тем более с “Российской империей”. То, что такое понимание имело место еще в “домазепинский” период ясно показывает появление статьи Каламакского договора, положивших начало процесса “русификации”. Гетману предписывалось не допускать “голосов таких”, что Украина является Гетманщиной, а не частью “Их Царского Пресветлого Величества Самодержавной Державы”⁸: т. е. объявлялась борьба именно пониманию под “отчизной” Украины, а не России.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). — Ф. 124: Малороссийские дела. — Оп. 1 1708. — № 91. — Л. 1.

⁵ Памятники, изданные Временною Комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — К., 1898. — Т. III. — № XCV. — С. 434.

⁶ Источники малороссийской истории / Собр. Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Боянским. — М., 1858. — Кн. 2. — Ч. 2. — С. 31.

⁷ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 4. — № 105, 125 и др.

⁸ [Величко С.] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии Войска Запорожского. — К., 1864. — Т. III. — С. 49.

Существование четкого разделения в представлениях казацкой старшины между “отчизной” (Малороссией или Украиной) и Московским государством нашло свое отражение и в идее “княжества Руського”.

В основе появления этого термина лежало довольно смутное воспоминание о временах киевских князей. Еще Б. Хмельницкий именовал себя “князем киевским и руським”⁹, а также “единовладцем і самодержцем руським”¹⁰. Под стать ему, Иван Выговский уже в марте 1658 г. заявил о своем желании стать “Великим князем Украины и соседних областей”¹¹.

Путаность и расплывчатость в ссылках на преемственность дела киевских князей даже в рядах высшей украинской старшины доказывает, что это было лишь попыткой юридического обоснования правомерности создания Гетманщины. Как в начале XVII в., в разгар борьбы за сохранение православной церкви в Украине, идеологи казачества использовали идею защиты православных московским царем, “наследником дела Владимира”, точно так же теперь ссылки на киевских князей должны были служить новым политическим реалиям. Несомненно, образование Б. Хмельницкого, И. Выговского и Юрия Немирича позволяло им понимать, что если они хотели претендовать на роль законных лидеров законно созданного (воссозданного) государства, следовало найти юридические лазейки для благовидного объяснения возникновения Гетманщины и их лидерства в ней. Такое обоснование было необходимо для придания законной силы переговорам с иностранными державами и должно было облегчить этим самым дружественным державам пути признания Гетманщины. С другой стороны, идея “триединого государства” Речи Посполитой, в которую “как равный с равными” вошло бы княжество Руськое, представляла собой попытку найти наиболее приемлемую форму автономии Украины.

В разгар начавшейся Руины идея княжества Руського не находит воплощения. Ю. Хмельницкий добровольно от нее отрекается, на первый план выходят задачи преодоления раскола и гражданской войны.

Концепция своей “отчизны” находит гораздо более широкое воплощение у И. Мазепы, особенно в поздний период его гетманства,

---

⁹ Документы об Освободительной войне украинского народа. — К., 1965. — № 17. — С. 44.

¹⁰ Воссоединение Украины с Россией. — М., 1953. — Т. II. — № 47. — С. 117.

¹¹ *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes*. — Т. IX. — Рим, 1963. — No. 4270. — С. 89.

когда реальностью стало воплощение в жизнь его титула “гетмана обеих сторон Днепра”. В своих универсалах начала XVIII в. Мазепа постоянно подчеркивал, что заботится об “отчизне нашей малороссийской”¹². Ссылаясь на свою власть (“меечи по милости царя царствующих Бога всемогущего и по милости монархи нашего православного его царского пресветлого величества”) в “Малороссийской отчизне нашей и во всем Войску Запорожском”, Мазепа уделял первостепенное внимание восстановлению гетманской администрации в Правобережье¹³. Важными шагами на пути к этому он считал восстановление переяславской епископии и Трахтемировского монастыря. То есть опять же, Мазепа разделял понятие интересов Украины и России, не считая себя обязанным заботиться об имперских. Такое представление полностью вписывалось в общеевропейскую концепцию “государя” начала Нового времени и лежало в основе всей политики Мазепы.

Даже в своем знаменитом универсале к Ивану Скоропадскому от 30 октября 1708 г., уже перейдя к шведам и пытаясь объяснить свой поступок, Мазепа писал об “отчизне нашей Малороссийской”¹⁴. Тогда же он направил универсалы в города и старшине, заверяя, “что он не для приватной своей пользы, но для общего добра всей отчизны и Войска Запорожского принял протекцию короля шведского”¹⁵.

Эти слова гетман говорил и Пилипу Орлику в памятную ночь, когда он раскрыл перед генеральным писарем свои планы. Мазепа, по словам Орлика, произнес следующую клятву на кресте: “что я не для приватной моей пользы, не для высших гоноров, не для большего обогащения, и ни для иных каких-нибудь прихотей, но для вас всех, под властью и рейментом моим находящихся, для жен и детей ваших, для общего блага матери моей отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа Малороссийского, и для поднятия и расширения прав и вольностей войсковых хочу я это при помощи Божей сделать ...”¹⁶

Мотивация выступления, как защита “отчества” от внешней угрозы звучит и в письме от 16 ноября 1708 г. Данила Апостола своим сотникам и обозному: что с шведами они встают “для защи-

¹² Архив Института истории РАН (СПб). — Ф. 63. — Карт. 16. — № 167.

¹³ Там же. — Ф. 68. — Карт. 2. — № 156. — Л. 1–2.

¹⁴ Источники малороссийской истории. — С. 173.

¹⁵ Письмо Орлика Стефану Яворскому // *Субтельный О. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVII ст.* — К., 1994. — С. 181.

¹⁶ Там же. — С. 169–170.

щения отчизны нашей от наступления московского”¹⁷. Более широкое объяснение принятия шведского протектората дал в последствии П. Орлик. По его словам, в основе этого поступка было стремление, чтобы “руський нарід скинув московське ярмо й був вільний”¹⁸.

Именно Орлик внес наибольший вклад в дело разработки терминологии и обоснования обособленности “казацкого народа”. Эти его достижения нашли отражение в знаменитой “Конституции” 1710 г.¹⁹ По сути, это единственный дошедший до нас документ, который проливает свет на представления “мазепинцев” относительно “отчизны” и идеальных форм ее существования.

В Конституции Орлик явно намеренно избегает использования терминов “руський” или “княжество Руськое”. Наоборот, через всю Конституцию главной идеей проходят понятия “вітчизна”, “Войско Запорожское” и даже “соборність вітчизни”, хотя встречаются также “Украина”, “територія нашої вітчизни, Малої Русі” и “соборність Матері-Малороссії”. Никакого “малороссийского народа” в тексте не упоминается.

В “преамбуле” Орлик выдвигает неожиданную и смелую версию происхождения казацкого народа — от хазар. При этом он явно отождествляет “хазар” с населением Киевской Руси, так как пишет, что “святу православному віру східного обряду ... войовничий козацький народ уперше й понині просвітився ще за панування хозарських каганів від апостольського Константинопольського престолу”²⁰. Происхождение такой версии неясно, так как ничего подобного мы не встречаем ни у Феодосия Сафоновича, ни в “Синописе”, ни в Густинской летописи, ни в ранних казацких хрониках. Но цель ее прозрачна — не оставить даже никакого намека об общем происхождении русских и украинцев.

Таким же инноваторством Орлика (и его сподвижников) можно считать и обращение к России как к “Московской империи”.

Вообще, в Конституции Орлика нашли юридическое обоснование многие понятия, которые расплывчато присутствовали уже на ранних этапах создания Гетманщины и частично воплощались в мазепинский период. Например, обосновывалась необходимость подчинения киевского митрополита Константинопольскому престолу.

¹⁷ Национальная библиотека Украины им. В. Вернадского. Институт рукописи. — Ф. VIII. — № 2677. — Л. 1–2.

¹⁸ *Возняк М.* Бендерська комісія // *І. Мазепа.* — Варшава, 1939. — Т. 1. — С. 112.

¹⁹ *Перша конституція України гетьмана Пилипа Орлика.* — К., 1994.

²⁰ Там же. — С. 22–23.

Со ссылкой на Зборовский договор 1649 г. Орлик настаивал на границе с Речью Посполитой по реке Случь и декларировал, что “кожна держава постає й існує завдяки непорушності кордонів”²¹. Ссылаясь на пример “самодержавних країн” Орлик отстаивал необходимость “слушного і корисного державному устрою порядку”, в котором гетманы не присваивали бы себе неограниченную власть.

Представления Пилипа Орлика об “отчизне” и идеальных формах ее существования, зафиксированные в его конституции, стали логичным продолжением тех идей, которые формировались среди элиты украинской казацкой старшины в период существования Гетманщины. Продолжением и, с другой стороны, — апогеем. Ибо с разгромом “мазепинства” реальность существования украинской “отчизны” независимой или автономной от соседей на долгие годы становилась более чем призрачной.

---

²¹ Там же. — С. 24–25.